

Содержание

Букет сивиллиных книг (Вместо предисловия).....	7
Радость с горчичное зерно	10
Милосердные коты и святые крокодилы.....	15
Умная собачка Циля.....	22
Вы действительно хотите встретить Христа?	28
Апостол Встречи	31
Есть дело!.....	35
Ей, гряди!.....	37
Пасха Крестная	41
Тишина Великого Понедельника.....	41
Хранитель боли	45
Человек с кувшином.....	53
Когда Бог просит о помощи	59
Взгляд с Креста.....	67
Христиане без Пасхи	73
Радость накануне	79
Музыка простых вещей	86
Майские сны.....	86
Гадание по огурцам.....	87
Липовый чай	90
Капитан Русской Церкви.....	94
Благодарные скифы	100

Гражданский брак с Богом.....	106
Доколе матери тужить.....	111
Преображение: встреча двух Заветов	115
Загадки праздника	117
Детектив на Фаворе	119
Когда разговаривают старшие	121
Ужас Фавора	123
Седьмой свидетель	124
Молчание Иоанна	125
Властелин времени.....	126
Ангел нетерпимости	130
Биография Архангела.....	131
Ангел борьбы	132
Эпоха разврата.....	134
Лицо ангела	136
Расслышать друг друга.....	138
Обязанность ненавидеть.....	149
Заклинатели войны	160
Пророк Илия и «западные» ценности.....	167
Отрекись от Пушкина!.....	171
Два солнца	173
Поэзия — благословенная и проклятая....	176
Приватизация культуры.....	179
Лишний Пушкин.....	183
Незримый воробей	187
Кот Мартын Зеленые Глазки	191
Неуместный человек	196
Бармалеевы именины.....	200
24 ноября — А, α, альфа.....	202
25 ноября — В, β, бета.....	203

26 ноября — Г, γ, гамма	204
27 ноября — Δ, δ, дельта	205
28 ноября — Ε, ε, эпсилон	207
29 ноября — Ζ, ζ, дзета	208
30 ноября — Η, η, эта	209
1 декабря — Θ, θ, тхэта (фита)	210
2 декабря — Ι, ι, йота	211
3 декабря — Κ, κ, капша	213
4 декабря — Λ, λ, лямбда	214
5 декабря — Μ, μ, мю	216
6 декабря — Ν, ν, ню	217
7 декабря — Ξ, ξ, кси	220
8 декабря — Ο, ο, микрон	222
9 декабря — Π, π, пи	224
10 декабря — Ρ, ρ, ро	226
11 декабря — Σ, σ, сигма	228
12 декабря — Τ, τ, тау	230
13 декабря — Υ, υ, ипсилон	233
14 декабря — Φ, φ, фи	235
15 декабря — Χ, χ, хи	236
16 декабря — Ψ, ψ, пси	239
17 декабря — Ω, ω, омега	241
Умножение радости	246

Букет сивиллиных книг

(Вместо предисловия)

В день встречи с Энеем кумской сивилле было далеко за семьсот — возраст настолько приличный, что даже самая ветхая старость рядом с ним смотрится слишком свежей. Уже в раннем Средневековье почтенную сивиллу включили в число провидцев, предсказавших приход Спасителя. На медных вратах Благовещенского собора Московского Кремля она написана с воздетыми руками в царственных ризах и богатой короне, и десница Спасителя застыла в благословении над главой прорицающей девы. На фресках собора есть и другой образ: величественная сивилла со свитком в руках.

Все строго, возвышенно, иконописно.

Однако Вергилий рисует вещую деву в мрачных тонах, и там нет ни корон, ни воздушных туник, ни свитков со священными стихами. И образ из «Энеиды» крепко врезался мне в память, будто я сам это видел и теперь навсегда потерял покой: древняя старица сидит у устья пещеры,

торопливо записывая пророчества не в пергаментные свитки и кожаные книги — нет, она слишком бедна для этого! — она пишет на листьях дуба, подобранных тут же, рассыпанных повсюду, но порыв ветра всякий раз подхватывает исписанную листву, бездумно кружит, путая страницы пророчеств, засыпая тропинки, унося далеко в горы, бросая в море драгоценные предсказания, и бедная старушка никак не может собрать все эти такие нужные и важные слова вместе, разложить по порядку, отбивая у ветра пожелтевшие осенние листья, путая свой почерк с проступившими жилками засохшего листа, пытаясь собрать воедино и божественное, и земное, и исписанные страницы, и те, что не тронуты пророческой рукой, чтобы уберечь, сохранить для людей хоть что-то.

*А мне-то, а мне что делать?
И так мое сердце — в ключьях!
Я в том же тряусь вагоне,
И в том же горю пожаре...*

(А. Галич)

Нескромно себя сравнивать с сивиллой — и размахом не вышел, и годами, и глубиной, — но благословляющую десницу Спасителя над собой слышу, потому что она над всяким, во-первых, христианином, во-вторых, сочувствующим, и мне кажется очень важным сохранить

и собрать мои разбросанные и разнесенные ветрами листики воедино.

Пусть все это было написано в разное время, по забытым поводам, для непохожих людей, но все, что пишу, — это для друзей. Букет исписанных осенних листьев в утешение другу, маленькое зернышко отрады и ободрения к жизни в нашем ветреном и выстуженном мире, открытом всем сквознякам. Немного грусти, чуть-чуть задумчивости, крупица озорства и смеха — а вдруг в чем-то живом сердце прорастет посеянная радость с горчичное зерно...

Радость с горчичное зерно

У входа в нашу церковь стоит елка по имени Лапа. Уж такая она высокая, стройная и раскидистая, что, идя в храм, невольно тянет «пожать» ее пушистую десницу. И пусть десниц у нее немало, но каждая добродушно дарит рукопожатие, после которого хочется самому улечься в эти уютные лапы и дышать ни с чем не сравнимым хвойным ароматом.

А ведь я помню ее маленьким тоненьким саженцем. Скорее бывает наоборот: деревья помнят не только наше детство, но и юность наших бабушек, и рядом с елочкой у нас растет столетняя липа, которая старше Никольской церкви. Но в первые годы нашего монастыря мальчишки-монахи, как тогда называли нас старушки, любили садить деревья, и для деревца-малютки нашелся краешек земли.

Их было несколько, елочек-сестричек, но выжила только Лапа. Поднялась и расцвела! Начальство роптало: к чему такая громадина у самого входа? Требуем спилить! Но мы отстояли

пушистую елку, и вот она радует всякого, кто идет на молитву, и птицы небесные укрываются в ветвях ее.

Хотя не только птицы. Однажды в утренних сумерках я здоровался с Лапой, и тут из синих иголок в меня воткнулась пара ярких бандитских глаз: дикий кот Мартын устроил в многоэтажной елке личную цитадель и неприступную твердыню, откуда совершались дерзкие вылазки. Ну и пусть! Будь я котом, лучшего пристанища и не найти!

От елки-малышки до огромного дерева — кажется, не так много времени прошло. Евангелие говорит о горчичном зерне, которое человек кладет в землю, и это самое маленькое, самое невесомое из зерен, почти невидимое семечко. Но вот проходят годы — топкие, вязкие, словно сквозь сон бредущие времена, — и из мельчайшего зернышка незаметно вырастает огромное дерево, крепкое и ароматное, такое уютное и живое, что дарит тепло и кров и птицам небесным, и одиноким путникам, и испуганным и брошенным зверям.

Живое и статное дерево, выросшее из крошечного зерна, — это образ Царства Небесного, радости и жизни, которая начинается с малого и незаметного — встречи, слова, образа, незаметной слезинки на молитве и исповеди. Царство Небесное — это радость, которой надо поделиться, надо разделить, вот почему в день

рождения Спасителя ангельские силы радуются вместе с людьми.

Перечитайте первые главы Евангелия: на Рождество ангелы сыпались с неба, словно спелые яблоки в летнем саду! Вестники Божии кочевали из сна в сон, являлись в храме, уговаривали священников, успокаивали стариков, увещевали пророков и хвалили скромность Девы. Бесплотные духи не могли усидеть на небе, их распирала такая радость, что всего неба было мало, чтобы вместить ее. Вот почему, оставив на время мудрецов и пророков, хор бесплотных радовал своим пением перепуганных пастухов.

И где же тут не испугаться — вместе с вестником предстало многочисленное воинство небесное. Одного было недостаточно, каждый хотел подать свой бессмертный голос, каждому хотелось петь от великой радости. Ведь ангел так и сказал:

— Не бойтесь! Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям!

И там, где можно было просто сказать, собор ликующих духов разразился пением:

— Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!

Это не просто гимн, это пророчество. Ангелы пели из вечности о том, что открылось им как реальность великого примирения в Царстве Небесном: несмотря ни на что, не оглядываясь на океаны горя и слез, на изобретательность

злости — бесовской и человеческой, — однажды все мы, одинокие и раненные, соберемся под главою Христом, и Тот, Кто сегодня только малыш, словно зернышко спрятан в вертепе, разрастется в великое дерево надежды и отрет всякую слезу с лица детей своих.

Однажды на земле будет мир, мир наступит между людьми — именно это значит загадочное «в человецех благоволение», — среди людей откроется любовь, доброта и нежность, взаимное расположение — благоволение. И это будет такая радость, что земля не сможет ее удержать в себе, она прорвется в небо, и торжество ангельского мира сольется с человеческим ликованием.

И вся эта великая радость, которая добирется до нас лишь несмелым и неясным эхом, родилась из маленького зернышка радости, которое Господь положил в вифлеемской пещерке.

Мы давно живем. Мы слышали много красивых слов и волновались вдохновенными речами. Дева Мария собирала и хранила в своем сердце каждую крупицу откровения о Своем Сыне как великую радость.

Но вдруг заглянешь в свое сердце и не можешь отыскать ни крупички радости, лишь страх и бесконечную усталость. Поделиться радостью? Где же ее отыскать? А если и найдешь — такая она маленькая, крошечная, словно выгоревший уголек или замороженное деревце.

Мы давно живем, а потому знаем: холод приходит не только на землю, порой зябнет и душа, и сердце остывает.

Померзнет, да и оттает. Если радость со временем стала маленькой-премаленькой, так что сразу и не разглядишь, надо собираться вместе, надо делиться последним, чтобы не остыть по одиночке. Вот почему христиане не могут усидеть дома в дни торжеств, вот почему литургия — праздник разделенной радости. И глядишь, там, где были две тощие рыбки и корочка засохшего хлеба, вдруг вырастает чудный пир, неудержимое веселье, где места и радости хватает всем.

В пасхальную ночь читают слово Златоуста «Аще кто благочестив...»: приходите на мой пир, кто постился и не постился, кто нес духовный подвиг и у кого совсем не было сил, и праведники, и грешники, и духовные атлеты, и немощные странники, покалеченные жизнью, — всех Господь принимает в Свою радость, каждый укроется в уютных ветвях великого дерева жизни.

Если радости осталось совсем на доньшке, вспомните слово Златоуста и смело идите на пир в честь дня рождения Сына Божия. Возьмите самое последнее зернышко своей радости и разделите его с другом.

Не все наши зернышки принимаются, не все деревья выживают, но, если прорастет хотя бы одно, оно того стоило!

Милосердные коты и святые крокодилы

Когда в доме египтянина умирала кошка, вся семья несла траур. Именно несла. Тут не скажешь «надевала траур», потому что в память о почившей все дружно сбрасывали брови. Если вы увидели человека без бровей, не сдерживайте соболезнований: кто-то потерял маленького друга.

Египтяне как один из самых древних народов хранили верность первобытному удивлению перед чудом живого, которое заходило так далеко, что зверей легко и с восторгом возводили в ранг богов. Не из невежества и языческой косности обожествлялись животные, а от по-детски безбрежного восхищения, от предельной взволнованности прекрасным.

Кошек торжественно мумифицировали, читли собак, обожествляли бегемотов, а Геродот вспоминает, как бродил по кладбищу священных крокодилов. Причем «священные крокодилы» — не прозвище для грубых священников,

а самые натуральные рептилии, зеленые и зубастые, и при этом одной лапой или хвостом живущие в мире богов и мистических откровений.

Только со свиньями у египтян не получилось: ни в какой пантеон не впихивалось это излишне приземленное животное. А ведь среди богов нашлось место даже для мыши — не какая-нибудь мелкая мышатина, а священное животное Гора. Увидели статую бога с мышкой в руках — значит, Гор, приятно познакомиться!

Мир изменился: крокодилы расколдованы, свиньи оправданы, что мало отразилось на их судьбе. И только кошки продолжают вести себя как древние боги.

У моей мамы живут трое «богов» и одна «богиня» — скорее, не пантеон, а криминальный квартет. Доставляют немало хлопот, но и утешение от них почти божественное. Правда «завтрак в постель» — к этому привыкнуть невозможно! Чаще всего такие сюрпризы случаются летом: кошки приносят маме по утрам птичек и мышек. Просыпаетесь с солнышком, а у вас на подушке недвижимая мышь, и не одна, или безвременно почивший воробышек, и над всем этим «аперитивом» в блаженных и самодовольных мордах восседают «благодетели». Уж и срамили их, и стыдили, и зывали к совести — «завтраки» не отменить!

Говорят, это жест благодарности хозяину. Может быть. Хотя, если дело было постом, тут,

очевидно, знак милосердия и сердечного сочувствия к изможденному постнику:

— Ты бы поел, что ли! Совсем уж там замолился!

Но ближе к правде все же то, что кошка хочет вас немножечко приободрить — мысль достаточная, чтобы отогреть озябшее сердце, особенно если никто из близких людей не способен на ободряющее слово.

Человек слишком долго живет. Сил на всю жизнь не всегда хватает, и временами мы не живем, а просто тянем лямку. Как говорят в Гомеле: «Ледзь ноги тягаіць». Как взбодриться, когда, кажется, потушены все огни и даже пепел былых костров подернут седым инеем?

Кошка — охотник. Как бы мы ни умилялись пушистым лапкам и милым мордочкам, в лапках прячутся острейшие когти, а под роскошными усами крепко сидят опасные и верные клыки. Кошка бодрится охотой и погоней, у нее никогда не остывает охотничий азарт. Так человека радует отменное оружие. Бывает, возьмешь в руки отличную винтовочку или славный ножичек — и почему-то сразу на душе становится легко и весело, хоть и не собираешься никого убивать. По крайней мере, на этой неделе.

Однако все ружья мира, и все священные крокодилы, и все меховые коты не зажгут даже одно человеческое сердце. Согреют, утешат, но не зажгут. Сердце человека получает огонь

только от другого человеческого сердца. Так уж мы устроены.

В церкви с первых дней говорят, что гордость — самый страшный грех, и никто в здравом уме не станет с этим спорить. Однако страх перед гордостью иногда превращается в настоящий «православный невроз». Если вы встретили гражданина, который избегает в речи местоимения «я», знакомьтесь: православный!

— И что тут такого? Спасается человек!

— Кто против? Просто, когда борьба с гордыней ведется по всем фронтам, первыми под огонь попадают дети.

Многие из воцерковленных родителей одержимы страхом перехвалить ребенка.

— А вдруг неосторожная похвала посеет в сердце отрока плевелы гордыни и тщеславия, и я же стану причиной падения невинного? Не об этом ли предупреждали старцы?

Каждый ребенок ищет одобрения и ободрения от своих родителей. Это естественно. Это заложено в самой природе человека.

Однажды я видел запись, снятую на телефон кем-то из врачей, делавших кесарево сечение. Малыша доставали на свет Божий из животика мамочки. Он затих в пузыре, ручки и ножки сложены, головка склонена, и весь он был будто цветочный бутон. И только вскрыли пузырь и откачали жидкость, малыш раскинулся, как раскрывается цветок, только вместо лепестков были

ручки и ножки. Ходит женщина по городу, носит сыночка под сердцем, а это не просто маленький человек — это прекрасный цветок! И самое главное — он остается цветком всю жизнь! Потому что каждый из нас раскрывается, словно цветок, под ободряющим и одобряющим взглядом.

Особенно маленькому человеку, делающему первые шаги, важно знать, что он все делает правильно, что у него здорово получается, и этих слов ребенок ждет прежде всего от самых близких, от тех, кто рядом. Не надо бояться перехвалить ребенка. Гордыню может посеять не столько избыточная похвала, сколько ее отсутствие. Если ребенок не получает ободрения и одобрения от своих родителей, он ищет его на стороне — вот вам в сжатом виде самая краткая история преступного мира.

Но правда еще и в том, что взрослых людей не бывает. Все мы — дети, все мы — цветы, и сохнем, и клонимся, и увядаем без ободряющего слова близкого человека, именно близкого, потому что их слова для нас имеют самый значительный вес.

Мы наиболее безжалостны к самым близким. Чем ближе к нам человек, тем больше он получает от нас ранений. Это неправильно.

Не бывает людей самодостаточных. Даже самый гениальный из нас нуждается в ободрении и одобрении от другого. А ведь это так просто и не требует особенных усилий. Нужен только

один духовный навык: *воспитанное зрение*, взгляд, готовый восхищаться.

Египтяне не уставали восторгаться кошками и крокодилами, потому что живое — прекрасно, а нас окружают удивительные и чудесные люди, далеко не боги, но несущие в каждом своем жесте отсвет образа Божия. Людям надо напоминать об их красоте и не стесняться говорить комплименты, ведь мы так редко восхищаемся друг другом! И важно, чтобы слова ободрения и одобрения были искренни и правдивы, шли от самого сердца.

Остановитесь, позвольте себе изумление, разрешите себе увидеть красоту и одаренность близкого человека, и она выйдет навстречу, откроется в простых житейских мелочах.

— Мама, ты сегодня так хорошо выглядишь!

— И правильно сделала, что купила эту кофточку!

— Леночка, у тебя здорово получаются сырники!

— Отлично чувствуешь машину!

— Лихо ты его отделал!

— Как же ты верно сказал! Это было то самое слово!

Люди жалуются на серые будни. Где же им не быть серыми, если мы ходим по прекрасному лугу, не замечая красоты вокруг!

Товарищи! Мы живем среди цветов, которые не верят в собственную красоту, потому что,

бывает, за всю жизнь их так никто по-настоящему и не увидел.

— Скажете, право, — полянка! Гадюки сплошь шныряют подколенные!

— Гадюка — тоже женщина несчастная! Может, это одичавший цветок!

Жил себе цветочек одинокий и нелюбимый, и так ему горько стало, что обратился он в ядовитую змею...

Каждый из нас нуждается в ободрении и одобрении. Не надо сдерживать свой восторг и стесняться добрых слов, которые ободряют к жизни. Всякое добро и красота, пусть скромные и незначительные, просто обязаны быть замечены и одобрены.

Многие только кажутся черствыми и бездушными, а на самом деле просто не уверены, что имеют право на слова изумления и комплименты.

Не сдерживайтесь, товарищи! Рассыпайте ликование и похвалу полной горстью!

Говорить комплименты от сердца — самое доступное из духовных упражнений!